

Юридическая квалификация цифровых прав

М. Ю. Кузьменков

аспирант кафедры международного частного права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9.
E-mail: kuzmenkov.m.u@yandex.ru

Legal Qualification of Digital Rights

M. Yu. Kuzmenkov

Postgraduate Student of the Department of International Private Law
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Address: Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Sadovaya-Kudrunskaya Str., 9, Moscow, 125993, Russian Federation.
E-mail: kuzmenkov.m.u@yandex.ru

Аннотация

С каждым годом гражданский оборот все глубже погружается в цифровой мир. Это приводит к появлению новых объектов права, таких как цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права. Однако существующие в разных юрисдикциях подходы к правовому регулированию таких цифровых активов не отличаются терминологическим единством. Между тем различные определения одних и тех же правовых явлений или их отсутствие порождают известную в международном частном праве проблему, именуемую проблемой квалификации. Предметом данной работы является юридическая квалификация цифровых прав. Автор статьи проводит сравнительно-правовой анализ законодательства о цифровых правах России и других юрисдикций, чтобы выяснить, существуют ли зарубежные аналоги данной терминологии и каковы последствия квалификации их по законодательству различных государств. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что теоретически возможно применять как классическую коллизионную привязку *lex fori* в целях квалификации юридических понятий, так и иной правопорядок, чем закон страны суда. Особый акцент автор делает на сложной правовой природе цифровых активов, которую необходимо учитывать при проведении исследования в данной сфере.

Ключевые слова: утилитарные цифровые права, токены, ICO, информационные системы, цифровые финансовые активы, юридическая квалификация, *lex fori*, цифровые права, международное частное право, цифровизация.

Annotation

Every year, the civil turnover plunges deeper into the digital world. It leads to the emergence of new objects of law: digital financial assets, utilitarian digital rights. However, the existing approaches to the legal regulation of such digital assets in different jurisdictions do not differ in terminological unity. Meanwhile, different definitions of the same legal phenomena or their absence in general give rise to a well-known problem in private international law, called the problem of qualification. The subject of this paper is the legal qualification of digital rights. The author of the article conducts a comparative legal analysis of the legislation on digital rights in Russia and other jurisdictions to find out whether there are foreign analogues of this terminology and what is its legal qualification. The analysis allows us to conclude that it is theoretically possible to apply both the classic conflict-of-laws binding *lex fori* for the purposes of qualification, and the rule of law other than the law of the country of the court. The author places special emphasis on the complex legal nature of digital assets, which must be taken into account when conducting research in this area.

Keywords: utilitarian digital rights, tokens, ICO, information systems, digital financial assets, legal qualification, *lex fori*, digital rights, private international law, digitalization.

Одним из важных аспектов трансграничных правоотношений является установление единообразного понимания юридических терминов, используемых сторонами, т. е. речь идет о квалификации юридических понятий. Например, такие термины, как «договор», «доверительная собственность» могут значительно отличаться по своему содержанию в различных юрисдикциях или отсутствовать в законодательстве некоторых стран. Классическим примером важности квалификации юридических терминов является сравнение содержания понятия «место заключения сделки» в отечественном и английском законодательстве [4]. Так, в России, согласно статье 444 ГК РФ, договор признается заключенным по месту жительства гражданина или месту нахождения юридического лица, направившего оферту. В то же время в Англии местом заключения договора признается место отправления акцепта. Таким образом, содержание идентичных юридических терминов в России и Англии различается. Такое разное понимание одного и того же юридического термина может привести к серьезным последствиям для контрагентов. Во избежание потенциальных проблем, вытекающих из различного толкования терминов, многие государства устанавливают правила квалификации юридических терминов. Эти правила говорят нам о том, право какого государства должно применяться для толкования терминов, которые известны в различном смысловом значении или которые отсутствуют в зарубежном или отечественном законодательстве. В данной статье автор исходит из узкого подхода к квалификации юридических понятий. Согласно данному подходу, квалификация юридических понятий означает определение их объема и привязки коллизионных норм разных государств друг к другу [2].

Что касается квалификации цифровых прав (ЦП), то содержание скрыто в самом термине.

Существуют ли аналогичные правовые категории за рубежом? Каковы последствия квалификации данного термина по законодательству разных государств?

В отечественном законодательстве ЦП были определены в статье 141.1 ГК РФ, согласно которой цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и

иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Из определения также следует, что цифровыми правами являются только те права, которые названы таковыми в отдельном законе. На сегодняшний день в явном виде цифровые права определяют два специальных закона: «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ и «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

В первом из названных законодательных актов указано, что под цифровыми правами понимаются утилитарные цифровые права (УЦП). УЦП – это имущественные права, приобретенные инвестором в результате инвестирования денежных средств через инвестиционную платформу. К таким правам статья 8 закона относит следующие права: требование передать вещь, требование передать исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, требование выполнить работы или оказать услуги. Таким образом, можно соотнести ЦП и УЦП как родовое и видовое понятия.

Несмотря на внушительный объем понятия «утилитарное цифровое право», его содержание и оборот весьма ограничены законом. Распоряжаться такими правами (например, их залог) возможно только в рамках инвестиционной платформы, при этом сами утилитарные права не могут предоставлять право требования на имущество, право на которое подлежит государственной регистрации [2].

Вступивший в силу 1 января 2021 г. новый закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вводит еще одну разновидность цифровых прав. Здесь из родового понятия «цифровое право», которое закреплено в ГК РФ, выделяется видовое понятие «цифровой финансовый актив» (ЦФА). В статье 1 данного закона указано, что ЦФА являются цифровыми правами, которые включают в

¹ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. N 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – № 172.

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – № 173.

себя следующие права: денежные требования, требования, вытекающие из обладания эмиссионными ценными бумагами, а также требование участия в капитале непубличного акционерного общества. Оборот таких прав возможен только в рамках информационных систем, основанных на распределенном реестре.

Таким образом, в России цифровые права можно охарактеризовать как родовое понятие, обозначающее некий набор прав, которые можно получить и которыми можно распорядиться только в рамках информационной системы по правилам этой информационной системы. В свою очередь цифровые права делятся на видовые понятия (УЦП, ЦФА и иные цифровые права). Понятие «иные цифровые права» фигурирует только в законе о цифровых финансовых активах.

В законодательство зарубежных стран также включены положения, регулирующие оборот цифровых прав. Однако сам термин «цифровое право» может и не использоваться в других юрисдикциях. Более того, термины, подменяющие понятие «цифровое право», могут значительно отличаться по своему содержанию. В таком случае возникает классический для международного частного права вопрос о квалификации юридических терминов.

Другими словами, необходимо решить, право какого государства применять в случае существенного терминологического расхождения между пониманием цифровых прав в различных государствах. Например, как уже было указано выше, УЦП могут включать в себя право требования передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Однако некоторые государства не оговаривают такую возможность в своем законодательстве и ограничивают роль утилити-токенов только удостоверением прав на товары и услуги. Например, законодательство США и Швейцарии устанавливает, что утилити-токены подтверждают права владельца токена на товары и услуги, но не на исключительные права.

Утилитарные цифровые права в России, напротив, предусматривают наличие права требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Поэтому способ квалификации таких токенов может коренным образом изменить дальнейшую юридическую судьбу этого актива. При квалификации по российскому законодательству можно говорить о наличии ути-

литарных цифровых прав. Однако при квалификации по праву другого государства юридические последствия могут быть не вполне ясными.

Для более глубокого анализа последствий юридической квалификации рассмотрим те страны, где наблюдается наибольшее расхождение используемых терминов и проблема квалификации юридических понятий наиболее очевидна (Белоруссия, США, Франция).

Прежде всего, необходимо обозначить некий общепринятый доктринальный подход относительно используемой терминологии. В целом деление цифровых прав на категории основано на экономических характеристиках соответствующих активов (токенов). Точное описание основания выделения того или иного вида токена можно встретить в отечественной правовой доктрине (А. П. Алексеенко, В. С. Белых [1], Л. Ю. Василевская [2]). В частности, в работе Л. Ю. Василевской указывается, что токены в гражданском обороте выступают, как:

- цифровая единица цены;
- цифровой аналог бездокументарных ценных бумаг;
- цифровой аналог иных объектов гражданских прав.

Приведем характеристики трех видов токенов, известных как платежный токен (криптовалюта), токен-актив и утилити-токен соответственно.

Возвращаясь к проблеме юридической квалификации, нужно сказать, что во многих юрисдикциях термин «цифровое право» не обозначает специальный объект гражданских прав. Здесь под цифровым правом понимают нечто абстрактное, обозначающее целое направление в юриспруденции, а именно все нормы, которые регулируют правоотношения в цифровом пространстве. Иными словами, в законодательстве зарубежных стран едва ли можно встретить термин «цифровое право», который определяет цифровое право как специальный объект права, а не как новое направление в юриспруденции. Однако отсутствие идентичного термина не означает отсутствие таких же экономических отношений. Имеются в виду отношения по выпуску и обороту цифровых прав.

Так, в США был разработан законопроект, *Crypto-Currency Act of 2020*¹, нацеленный на внесение окончательной ясности относительно полномочий государственных органов в сфере регулирования различных видов криптоактивов. С этой же целью секция 2 законопроекта делит криптоактивы на три вида:

1. Криптовалюты (*crypto commodity*) – товары и услуги, которые:

- имеют полную или частичную взаимозаменяемость;

- основаны на децентрализованных технологиях.

2. Криптовалюта (*cryptocurrency*) – представление национальной валюты США или деривативов, основанных на децентрализованных технологиях, включая:

- криптовалюты, обеспеченные средствами на банковских счетах;

- криптовалюты, обеспеченные криптоценными бумагами, криптовалютами или другими криптовалютами;

- криптовалюты, обеспеченные смарт-контрактами.

3. Криптоценные бумаги (*crypto security*) – по общему правилу все виды ценных бумаг, которые основаны на блокчейне или других децентрализованных технологиях.

Законопроект вводит новое понятие «цифровые активы». Данный термин является собирательным и включает криптовалюты, криптовалюту и криптоценные бумаги.

Определение «цифровые активы» можно встретить и в валютно-финансовом кодексе Франции. Поправки к кодексу от 2019 г. ввели статью L54-10-1², которая устанавливает, что цифровыми активами являются:

1) любое цифровое представление стоимости, которое не выпущено или не гарантировано центральным банком или государственным органом, не имеет правового статуса валюты, но которое принимается физическими или юридическими лицами в качестве средства обмена и может быть передано, сохранено или обменено в электронном виде;

2) любое нематериальное имущество, представляющее в цифровой форме одно или несколько прав (за исключением финансовых инструментов), которые могут быть выпущены, зарегистрированы, сохранены или переданы через общую электронную систему, позволяющую прямо или косвенно идентифицировать владельца этого имущества.

С точки зрения французского законодательства цифровой актив включает в себя только первые два типа токенов: утилити-токены и криптовалюту. Токены-активы (т. е. представление ценных бумаг) не входят в термин «цифровой актив» Франции, что противоречит законодательству США, где этим же термином обозначаются все виды выпущенных активов.

Таким образом, в США и Франции существуют различные подходы к определению терминологии. Во-первых, идентичный термин «цифровой актив», используемый в двух государствах, определяет разный объем понятий (в США этим термином обозначены все три вида токенов, а во Франции два – утилити-токен и криптовалюта). Во-вторых, криптовалютами в США, согласно данному выше определению, является «представление национальной валюты США...», в то время как законодательство Франции отрицает представление национальной валюты в такой форме, указывая, что такое «цифровое представление не имеет статуса валюты...». Соответственно, термины в этих государствах имеют одинаковое название («цифровые активы»), но различаются по смысловой нагрузке. Исходя из этого можно допустить ситуацию, когда одна и та же криптовалюта при квалификации по праву США будет признаваться цифровым активом, а при квалификации по праву Франции – нет.

Интересный подход правового регулирования к цифровым активам используется в Беларуси. Здесь Декретом Президента № 8 устанавливается термин «цифровой знак (токен)». Он определен как «запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты

¹ Crypto-Currency Act of 2020. – URL: [https://www.congress.gov/bills/116/congress/house-bills/6154/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22crypto-currency+act%22%5D%7D&r=1&s=2#:-:text=Introduced%20in%20House%20\(03%2F09%2F2020\)&text=To%20clarify%20which%20Federal%20agencies,assets%2C%20and%20for%20other%20purposes.](https://www.congress.gov/bills/116/congress/house-bills/6154/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22crypto-currency+act%22%5D%7D&r=1&s=2#:-:text=Introduced%20in%20House%20(03%2F09%2F2020)&text=To%20clarify%20which%20Federal%20agencies,assets%2C%20and%20for%20other%20purposes.) (дата обращения: 04.11.2020).

² Финансовый Кодекс Франции. Статьи L54-10-1 (в ред. от 24 мая 2019 г. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000038509570/2020-10-14 (дата обращения: 29.12.2020).

гражданских прав и (или) является криптовалютой». Из этого определения можно сделать вывод, что цифровой знак (токен) в Беларуси – довольно широкое понятие. Оно может включать в себя утилити-токены, криптовалюту и токены-активы. Надо отметить, что обязательным признаком криптовалюты, согласно Декрету, является ее использование в качестве универсального средства обмена в международном обороте. Поэтому простого создания криптовалюты или определения выпущенных активов в качестве криптовалюты в документации ICO-проекта будет недостаточно для того, чтобы выпущенный актив действительно приобрел правовой статус криптовалюты, т. е. законодательство Беларуси использует термин «криптовалюта», но с весьма специфичным содержанием. Эта же особенность правового режима парка высоких технологий подчеркивается и в аналитических обзорах законодательства Беларуси¹. Таким образом, не всякий токен, выполняющий только платежную функцию, является криптовалютой. В большинстве юрисдикций такой критерий не используется. Поэтому можно столкнуться с ситуацией, когда термин «криптовалюта», имея одинаковое словесное выражение в нескольких юрисдикциях, по квалификации белорусского законодательства не будет признан криптовалютой ввиду несоответствия критерию универсального средства обмена в международном обороте.

Анализ зарубежного законодательства и используемых за рубежом терминов для обозначения видов ЦП приводит к выводу, что одни и те же явления могут быть известны в разном словесном выражении или различаться по объему понятия. Такие противоречия поднимают вопрос о проблеме квалификации юридических понятий, согласно нормам международного частного права. Как уже было указано выше, квалификация утилити-токена, криптовалюты или токена-актива по законодательству того или иного государства может иметь существенные юридические последствия.

В России для целей квалификации понятий применяется статья 1187 ГК РФ, где указано, что, «при определении права, подлежащего применению,

толкование юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом». Но рассмотренные выше термины «цифровой актив», «криптовалюта» и др. не известны российскому праву. Для таких случаев существует часть 2 статьи 1187 ГК РФ, которая гласит, что «если при определении права, подлежащего применению, юридические понятия, требующие квалификации, не известны российскому праву или известны в ином словесном обозначении либо с другим содержанием и не могут быть определены посредством толкования в соответствии с российским правом, то при их квалификации может применяться иностранное право». По мнению автора, хотя данные термины и не известны российскому праву, они могут быть истолкованы по российскому праву, так как в законодательстве закреплено их иное словесное выражение. Соответственно, значение таких терминов может быть определено российским правом, и их квалификация должна проводиться согласно отечественным нормам. Так, известным за рубежом понятиям *Initial Coin Offering (ICO)*, *payment tokens*, *utility tokens* и *token assets* корреспондируют следующие понятия из российского законодательства: выпуск цифровых прав, цифровая валюта, утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы соответственно. В абсолютном большинстве случаев классическая коллизионная привязка «закон страны суда» (*lex fori*) будет работать и в случае с классификацией данных терминов. Однако правовая неопределенность может возникнуть, когда обе юрисдикции ссылаются на свое национальное законодательство в целях квалификации понятий. Как было указано выше, такие квалификации в некоторых случаях могут быть противоречивы и давать разную правовую оценку различным явлениям.

Также стоит отметить, что, согласно статье 1187 ГК, в тех редких случаях, когда содержание выпущенного за рубежом токена не совпадает с тем содержанием, которое вложено отечественным законодательством, и это не позволяет провести надлежащую квалификацию по российскому праву, его квалификацию необходимо проводить по зарубежному праву.

¹ В Беларуси введен уникальный правовой режим для участников криптоэкономики. – URL: <https://www2.deloitte.com/>

Список литературы

1. *Алексеев А. П., Белых В. С.* Криптовалюта как цифровое представление стоимости: опыт Сингапура. Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 15 (7). – С. 180–187.
2. *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111–119.
3. *Глинщикова Т. В.* Проблема квалификации в международном частном праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 4. – С. 221–223.
4. *Гузов А., Михеева Л., Новоселова Л.* Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. – 2018. – № 5. – С. 16–25.
5. *Дмитриева Г. К.* Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 120–128.
6. *Канашевский В. А.* Международное частное право. – М. : Международные отношения, 2016. – С. 117.
7. *Луткова О. В.* Расщепление статута в международном частном праве // Журнал Российского права. – 2016. – № 4. – С. 133–137.
8. *Нажинова Ю. А.* Цифровые права как объекты гражданского права // Форум молодых ученых. – 2019. – № 12. – С. 596–600